

- яйле (Из работ Отдела луговодства Партии крымских водных изысканий). Оттиск из ежегодника Отдела земельных улучшений за 1914 г. — Пг., 1916.
22. Новиченкова Н. Г. К вопросу об этнокультурных связях в античной Таврике // «Античная цивилизация и варварский мир» Ч. II — Новочеркасск, 1992.
 23. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977.
 24. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. — Киев, 1983.
 25. Высотская Т. Н. Свообразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первых веках нашей эры. — Киев, 1983.
 26. Высотская Т. Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. — Свердловск, 1984.
 27. Граков Б. Н. Каменное городище на Днепре // МИА. — 1954, — № 36.
 28. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. — 1957. — № 1.
 29. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962.
 30. Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. — М., 1971.
 31. Дашевская О. Д. Поздние скифы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
 32. Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — Киев, 1979.
 33. Попова Е. А. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. — 1990. — № 3.
 34. Алексеев А. Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. — 1980. — Вып. 21.
 35. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. — М., 1990.
 36. Высотская Т. Н. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. — 1976. — № 3.
 37. Граков Б. Н. Скифский Геракл // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIV.
 38. Раевский Д. С. Эллинические боги в Скифии? // ВДИ. — 1980. — № 1.
 39. N. Novicenkova und Novicenkov. Das Heiligtum auf dem pab Garzufskoe Sedlo // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.
 40. Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М., 1975.
 41. Щукин М. Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). — Новочеркасск, 1989.

В. Н. ДАНИЛЕНКО

ХЕРСОНЕС И ТАВРЫ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Херсонес Таврический эллинистического времени выступает в письменных и археологических источниках как рядовой периферийный греческий полис. Однако многие исследователи давно обращают внимание на те или иные черты, отличающие его от прочих эллинистических городов, в первую очередь, северопричерноморских. Население Херсонеса более однородно, менее варваризировано, сельское хозяйство занимает иное место в экономике и ее структуре, отмечаются специфические особенности пространственной организации (1, с. 133). Число подобных примеров можно увеличивать. К Херсонесу очень подходят слова, сказанные по поводу другого города (Гераклеи — метрополии Херсонеса), его история «оставляет впечатление какой-то неясности» (2, с. 137). К особенностям Херсонеса можно отнести и выработанную здесь систему архитектурного оформления надгробных памятников и атрибуции на них.

Встречаются четыре типа стел: увенчанные фронтоном, завершающиеся рядом акротериев и антефиксов, с одним большим акротерием и, наконец, с верхней частью, оформленной в виде

простого карниза. Нас в данном случае интересуют только первые два типа, так как два других выпадают из схемы. Все стелы первого типа, которые поддаются определению, были поставлены на могилах женщин. Стелы второго типа — завершающиеся акротериями и антефиксами — украшали могилы с мужскими погребениями. Здесь есть одно единственное исключение — стела Адеи, дочери Даматрия, жены Атота, найденная Р. Х. Лепером в 1910 г. в башне Зенона (3, л. 60, № 3751; 4, л. 83) и датированная IV в. до н. э. (IRE, 1², 712). На лицевой поверхности ее, по углам, расположены акротерии, а между ними — антефиксы, но в отличие от всех остальных памятников данного типа их 4, а не 3. Нужно отметить: количество антефиксов соблюдалось очень строго, что наводит на мысль об особом значении, которое придавалось их числу. Тем более резко выделяется единственное исключение — упомянутый памятник. На лицевой поверхности памятников женщинам изображаются красками или рельефом тэния, обвязанная вокруг стелы, и подвешенный к ней алабастр — сосуд для душистого

масла, постоянный спутник в быту гречанки. На памятниках с мужскими именами помещались три символа: 1) стригиль и сосуд для масла, 2) меч с портупей, 3) схематическое изображение сучковатого посоха. Иногда на одном и том же памятнике помещается и стригиль с лекифом, и меч с портупей (5, с. 39—42; 6, с. 60—64; 7, с. 44—51), в других случаях изображение меча дополняется круглым щитом и защитным корриком (8, с. 13—21). Ранее мы высказывали мнение о том, что различные атрибуты изображались на памятниках мужчин, ушедших из жизни в разном возрасте (5, с. 41, 42; 6, с. 60). На памятнике мальчика или юноши изображались стригиль с аррибалом, то есть предметы, необходимые всякому молодому греку, занимающемуся спортом. У греков повсеместно в основе воспитания лежала идея о гармоническом развитии гражданина — его физическом и духовном совершенстве. Особенно много внимания физическому воспитанию уделялось в тех греческих полисах, которые возникли в результате завоеваний (в первую очередь Спарта, Крит, Фессалия). Недаром именно в Спарте была разработана стройная система воспитания подрастающего поколения, прославившая этот город на века. С раннего детства большую часть времени молодые люди проводили в палестрах и гимнасиях, где занимались бесчисленными физическими упражнениями, развивающими силу, ловкость, выносливость. Если смерть наступала юношу, то вполне естественно, что в путешествии в загробный мир его сопровождали предметы спортивного инвентаря, те самые, которые так часто употреблялись им при жизни, составляли его славу и гордость. Такие предметы могли помещать в могилу (9), они могли изображаться на надгробном памятнике, украшавшем ее. В Херсонесе для этого были выбраны сосуд для масла, которым спортсмен умащал свое тело перед тренировкой или соревнованием, и стригиль, которым после спортивных занятий счищалось с тела масло вместе с потом и налипшей пылью. Впрочем, и в других древнегреческих городах встречаются такие изображения. Так, на одном надгробном рельефе из Дельф представлен сидящий юноша со свитком в руках, а перед ним кифара. Из-под верхнего обреза свещиваются венки и различные предметы, среди них стригиль и амфориск для масла (10, S, 38, taf. P, 3). Стелы со стригилями, подвешенными к ленте, часты в Аттике в V—IV вв. до н. э. (11, № 1062, taf. 216; 1324, taf. 279; 1825, taf. 280 и др.) Иногда на белых лекифах изображаются юноши-палестриды со стригилями в руках, они стоят у могилы или на надгробном памятнике (12, № 53, p. 229, pl. XV, p. 188, pl. VI; 13, рис. 18, табл. II). В других местностях Греции на надгробных памятниках, поставленных над могилами юношей, были самые различные изображения (детские игрушки, сценка,

где мальчик играет с собачкой, и пр.), в Херсонесе же — только стригиль с сосудом для масла.

Стелы с таким же изображением спортивных принадлежностей в сочетании с мечом, по видимому, отмечали могилы юношей старшего возраста, когда занятия спортом из разновидности игры превращались в серьезное занятие, в подготовку к воинской службе, когда наряду с общеразвивающими упражнениями юноши осваивали технику владения оружием. Вообще, разделение на возрасты было обычным в Древней Греции. Так, Аристотель рассуждает (Pol., VII, 1391a, 35 sqq) о гимнасиях для молодых и гимнасиях для старших. В другом месте (Pol., VII, 1336h, 40) он говорит, что «воспитание должно быть разделено в соответствии с двумя возрастными: от семилетнего возраста до наступления половой зрелости и от наступления половой зрелости до двадцати одного года». С 16 или 18 лет юноши греческих полисов считались эфебами; вначале они занимались обучением военному делу, после чего несли службу в гарнизонах пограничных укреплений.

Если умирал мужчина в расцвете лет, воин, защитник отечества, ему ставили памятник с изображением оружия.

У многих народов, находившихся на стадии разложения первобытнообщинного строя, весь быт был военизирован. Каждый взрослый мужчина был профессионально подготовленным воином, а военное дело освящалось религией, воспевалось в народных песнях, прославлялось в произведениях искусства (14, с. 167). И в древней Греции в ранний период военное дело занимало чрезвычайно большое место в жизни общества, а оружие сопровождало быт. Фукидид сообщает: «В те времена вся Эллада носила оружие, ибо селения были неукреплены, да и пути сообщения небезопасны, а поэтому жители даже и дома не расставались с оружием подобно варварам» (Thuc., I, 6). Но постепенно времена изменялись. Обстановка в Греции стабилизировалась, военные столкновения стали реже, оружие перестало быть постоянным спутником всех мужчин (Thuc., I, 6). Свой вклад в этот процесс внесли тирании, разоружая население (Arist., pol., V, 1311a, 10sq; Thuc., VI, 58) и создавая отряды наемников (15, кн. 2, с. 83; 16, с. 13). Более «пышный» образ жизни становился предпочтительнее военных доблестей.

Этому соответствует и отмирание обычая помещать в могилы оружие. В гомеровское время в мужских погребениях почти обязательно встречаются наряду с глиняными сосудами железные мечи или ножи, наконечники копий и стрел. И это несмотря на чрезвычайную общую бедность погребений (15, кн. 1, с. 298; 17, с. 108, рис. 3). Начиная с классической эпохи, оружие в могилах встречается очень редко, лишь в особых случаях: когда умерший пал в бою, когда он являлся военным предводителем

(Вергинская гробница с захоронением Филиппа II?); либо если он был военным-профессионалом в одной из появившихся с IV в. наемных армий (18, табл. XXII—XXIII, 27—27а). Также обстоит дело и с изображениями оружия на надгробиях (и саркофагах): на наиболее древних мы видим если не само оружие, то фигуры воинов в доспехах, с мечами, копьями и пр., в эллистическое время с оружием изображаются только солдаты наемных армий.

Исключение составляют дорийские государства, возникновение которых связано с завоеванием, а повседневное существование — с эксплуатацией значительных групп подчиненного населения. Перед лицом постоянной опасности со стороны илотов эти полисы жили подобно военному лагерю где все «подчинялись строго установленным порядком и делали то из полезных для государства дел, какое им было назначено» (Plut., Лус., XXIV). Превыше всего ценились военные успехи, порицалась трусость (Хен., Resp. Лас., 9—10). Здравомыслящие философы уже в древности осуждали спартиатов, критян за то, что весь их строй направлен «только на одну часть добродетели, именно на воинскую доблесть, так как она полезна для приобретения господства» (Aris., pol., II, 1271 в, 1sqq, VII, 1324в, 5sqq). В этих государствах оружие почиталось, существовал даже его своеобразный культ. Вполне естественно, что оружие и вооруженные воины изображались на надгробиях (напр., 19, табл. XVIII, 3 — Лариссы в Фессалии; 20, t. 1, 3 — саркофаг из Бонна, 29, 4 — рельеф из Мегар). Здесь, как и в случае со стригилем, Херсонес отличается от всех других государств тем, что на памятниках взрослых мужчин всегда помещался только меч с португеей.

Наконец, последний атрибут — посох. Он изображен условно, в виде красной вертикальной полосы с небольшими выступами — сучками. Посох являлся символом старости и мудрости и изображался на памятниках людей, умерших в преклонном возрасте. В гомеровское время бацилей всегда появлялись на людях со скипетром, который был символом власти бацилеев, геронтов (Ил., II, 204; XVIII, 503); с помощью скипетра правящие лица урезонивали непокорных (Ил., II, 265). Впоследствии посох — упрощенное подобие скипетра — стал принадлежностью пожилых людей. На него опирались при ходьбе, при случае им можно было отбиться от собак, а то и от лихих людей. Интересно отметить, что в греческом театре актеры, игравшие те или иные роли, имели свои атрибуты, принадлежности одежды или вооружения. Так, герои носили оружие, стариков и мудрецов зрители сразу узнавали по посохам (21, с. 203; 22, с. 252). Изображения посоха, встречающиеся в росписях греческих лекифов, аналогичны посохам на херсонесских стелах (23, p. 220, pl., XI, 225, pl., XV).

Таким образом, в Херсонесе возникла уникальная система атрибутов, помещавшихся на надгробиях людей, умерших в разном возрасте, и указывающих на этот возраст. Сама по себе эта система, как представляется, является отражением особой, выдающейся роли военного дела в Херсонесе. Символы на памятниках как бы делят все мужское население на «допризывный» возраст, когда дети и юноши готовятся к военной службе, возраст расцвета, когда мужчина входит в состав городского ополчения, и на пожилых людей, для которых служба в армии уже непосильна. С какой стороны ни смотреть на херсонесские стелы, стоявшие на могилах мужчин, можно сделать только один вывод: интерес к военному делу, к организации и вооружению армии, к подготовке воинов в городе был явно повышенный. Это сближает Херсонес с такими дорийскими государствами, как Спарта, Фессалия, Крит, собственной метрополией — Гераклеей Понтийской. Очевидно, что сходные ситуации ведут к близким результатам, но если мы имеем аналогичные результаты, то это явное свидетельство того, что они вызваны похожими обстоятельствами. Не существовали ли в Херсонесе те особенности социально-экономической структуры перчисленных государств, которые обусловили специфически военную их организацию?

Ни в одном из письменных источников нет и намек на то, какие формы эксплуатации рабов были распространены на клерах Гераклейского полуострова. Это неудивительно. Ведь даже о Спарте — крупнейшем и важнейшем государстве, расположенном под боком, — античные авторы имели недостаточную и ненадежную информацию (24, с. 57).

Размеры клеров, укрепления усадеб Гераклейского полуострова, громадные объемы работ, направленных на земельные улучшения, — все указывало на широкое использование труда рабов. На это давно было обращено внимание (25, с. 161—166; 26, с. 40, 47, 48; 27, с. 149, 152, 153 и др.), но подчеркивалось, что использовались рабы покупные или военнопленные. Возможность другой формы эксплуатации не допускалась, а отвергалась, что называется, с порога. Возражения В. Д. Бланатского сводились к нескольким положениям (25, с. 165): 1) тавры были завоеваны не все, а лишь частично, 2) уровень их хозяйственного развития был значительно ниже, чем у мариандинов, а земледелие не было развито, 3) основной культурой на Гераклейском полуострове стал виноград, совершенно неизвестный местному населению. Однако, дальнейшие исследования показали, что вопрос решается не столь однозначно. В метрополии Херсонеса — Гераклея Понтийской — было положение, близко сходное с тем, что в ее колонии. Как основная масса тавров не была покорена херсонеситами, так и часть мариан-

динов сохранила независимость от гераклеотов (28, с. 143). В результате и над одним и над другим городом висела не только угроза восстания покоренной и закабаленной части местного населения, но и возможность ее выступления совместно со своими сородичами, находящимися на свободе. В самой Спарте ведь не все завоеванное население было превращено в илотов. Значительная (возможно, и большая часть его) вошла в состав граждан государства, хотя с несколько усеченными правами (29, с. 21 сл.).

Раскопки некоторых таврских памятников в районе Севастополя (в первую очередь поселения в урочище Уч-баш) показали, что представления историков о чрезвычайной отсталости и дикости тавров сильно преувеличены. Из анализа материалов раскопок становится ясно, что одним их главных занятий тавров было земледелие. О том свидетельствуют многочисленные находки земледельческих орудий, хлебных зерен, косточек плодовых деревьев, в том числе даже косточек культурного винограда, что, возможно, свидетельствует о занятии тавров виноградарством (30, с. 66, 67). Важным в системе аргументации в пользу того, что у херсонеситов не могли сложиться с таврами такие же взаимоотношения, как у гераклеотов с мариандинами, казался В. Д. Блаватскому факт отсутствия у тавров виноградарства, а следовательно, навыков обработки виноградной культуры. Однако, во-первых, нельзя полностью исключать наличия хотя бы зачатков виноградарства у тавров, а во-вторых, непонятно, как те же тавры, превращенные в покупных рабов или военнопленных, вполне успешно смогли создать мощную индустрию производства винограда и вина на всем Гераклейском полуострове, о чем у В. Д. Блаватского идет речь несколькими строками ниже (25, с. 165).

Представляется, что можно наметить следующую картину развития социального строя Херсонеса в античный период. Здесь мы не будем касаться новых, весьма важных открытий в северо-восточном районе города, свидетельствующих о наличии жизни в конце VI—V вв. до н. э. (31, с. 50, 51). Ареал этих находок пока очень узкий, общее количество сравнительно невелико, судить на ограниченном материале о характере поселения в этот период с какой-либо долей уверенности трудно, если вообще возможно. Поэтому имеет смысл начинать обзор с дорийской колонизации из Гераклии в 422—421 гг. до н. э. При этом вряд ли возможно ссылаться на авторов, считающих эксплуатацию завоеванного населения в форме илотии характерной чертой дорийцев и дорийского строя, и к тому же придавать этой особенности характер всеобщности. Это старый спор, в котором участвовали К. Г. Мюллер, Ю. Белох и др. Еще тогда Р. Пельман совершенно справедливо заметил, что появление такого рода зависимости обуслов-

лено возможными комбинациями, «отношениями между победителями и прежним населением страны» (32, с. 25). Но нельзя также не признать, что во многих именно дорийских государствах получили распространение порядки типа илотии.

Такие порядки были привычны для дорийцев, ибо они существовали сотни лет. При них люди рождались, жили и умирали, другие им было даже трудно представить и не было нужды представлять, поскольку рабство типа илотии создавало, с точки зрения античного человека, вполне в благоприятные условия для коллектива рабовладельцев в целом и для каждого его члена, в частности. Жили, конечно, победнее, чем в других полисах, где господствовало рабство, приближающееся по своему характеру к классическому. Но был и ряд преимуществ. Экономика этих государств, более натурализованная, была и более устойчивой, так как в меньшей степени зависела от колебаний конъюнктуры внешнего рынка, давала доход небольшой, но твердый. При таких условиях человек вообще мог не участвовать в производстве материальных благ, а посвящать свое время и силы политической, государственной, судебной деятельности (что было весьма престижно), заниматься спортом, военным делом (что издревле считалось чуть ли не единственным достойным занятием свободного гражданина). Дорийский порядок вещей позволял поддерживать относительное равенство граждан — важнейший идеал античности. Видимо, по этой причине социальное устройство, скажем, спартиатов, находило одобрение среди идеологов существовавших в древности систем.

На побережье Юго-Западного Крыма высадились колонисты из дорийского города Гераклеи Понтийской. Основной контингент переселенцев вербовался либо из числа приверженцев демократической партии (33, с. 257), либо из крестьян, разоренных военными действиями (34, с. 44). И в том, и в другом случае это не были крупные рабовладельцы, но они были в деталях ознакомлены с системой угнетения мариандинов, господствовавшей на их родине. В отличие от степной зоны, которая была слабо заселена накануне основания Ольвии (35, с. 35—59), на Гераклейском полуострове и в его окрестностях обнаружено множество таврских памятников, что является свидетельством интенсивности жизни и многочисленности населения этого района (30, с. 66). Приехавшие колонисты, крайне малочисленные — вряд ли их общее число превышало 1000 человек (6, с. 8; 36, с. 241), не могли справиться с сильным, воинственным местным населением всего Гераклейского полуострова, к тому же имевшим возможность получить практически неограниченную помощь от своих сородичей, заселявших горы и предгорья (для данной темы безраз-

лично, состояло ли население этих районов из двух групп (37) или являлось культурно и этнически монолитным (38). Тавры Гераклейского полуострова оставались независимыми от херсонеситов, их присутствие исключало освоение последними территории. Иначе трудно понять, почему жители недавно возникшего города начинают осваивать не ближние участки, а район, лежащий в 8—10 км от городских стен. Это было бы понятно, если бы Маячный полуостров отличался более мягким климатом, богатыми почвами, наличием воды или какими-то другими качествами благоприятными для жизни, для развития сельского хозяйства. Но ничего подобного нет, скорее напротив — это, пожалуй, наиболее иссушенная солнцем, продуваемая ветрами частица Гераклейского полуострова. Все станет ясно, если предположить, что на Маячном полуострове тавры все или почти не жили, что это был единственный свободный уголок в относительной близости от города. Именно здесь появились первые наделы граждан Херсонеса, небольшие участки, которые, скорее всего, обрабатывались самими их хозяевами — мелкими земледельцами и членами их семей (27, с. 42, 43).

Через несколько десятилетий (39, с. 36), когда Херсонес окреп, херсонеситы могли начать наступление на тавров. Источники не сообщают как, за счет чего происходил быстрый рост населения города. Можно предполагать, что прибывшие колонисты — по большей части молодые мужчины — взяли в жены молодых женщин из местного населения, создали семьи, обильное деторождение могло стимулироваться специальным законодательством, подобно тому, как было в Спарте (Arist. pol., II, 1270v, sqq). Не исключен и приезд новых небольших партий колонистов. Как бы то ни было, но территория города к концу IV в. до н. э. выросла, находясь в прямой зависимости от роста населения. Херсонес был обнесен стенами, армия (ополчение) вооружена и обучена, тактика борьбы с таврами отработана и испытана в неизбежно возникавших мелких стычках. В результате весь Гераклейский полуостров оказался в руках херсонеситов, а местное население было покорено.

Создание Херсонесского государства совпадает со временем походов Александра Македонского (334—324 гг. до н. э.) и возникновением эллинистических государств. Именно в эту эпоху в идеологии греков особенно широко укореняется старое «право копыя», в соответствии с которым земля, например, захваченная военной силой, становится собственностью сильнейшего. «...во всем мире существует вечный закон, что когда город взят войной, завоевателям принадлежит и личность, и имущество находящегося в нем» (Хен, Сур, VII, 5, 73). Этим законом оправдываются любые завоевания, им обосновывают свое право на власть эллинистические монархи (40, с. 92—101). Херсонеситы,

конечно, руководствовались в своей завоевательной деятельности этим же правилом.

По давней традиции все земли были разделены на равные наделы, а жители превращены в рабов типа илотов. Часть тавров, обитавших вдоль границы Гераклейского полуострова, продолжала жить в своих поселках и являлась чем-то вроде лаконских перизков. Судя по свидетельству Страбона и сообщениям ранних путешественников, посетивших Крым вскоре после присоединения его к России, весь Гераклейский полуостров был огражден стеной или валом со рвом по линии Инкерман-Балаклава. Об этой стене упоминают С. Сестренцевич-Богущ, определяющий ее длину в 4 минуты (около 7,5 км); (41, с. 286, 287), акад. П. С. Паллас — автор, приводящий достоверные сведения, поскольку все описываемое он стремится увидеть своими глазами, пощупать своими руками (42, с. 112). И. М. Муравьев-Апостол также, несомненно, осматривал на местности остатки укрепления: «От Балаклавы, через татарское селение Кадькой, прямо до устья р. Узенья... 40 стадий, то есть 8 верст; и по всему этому пространству, составляющему перешеек полуострова, приметны еще и теперь следы бывшей тут некогда стены... Бугорки, один от другого вблизи находящиеся в прямом направлении от юга к северу, суть несомненные признаки стены сей; что же касается до рва, то время и следы одного уже изгладило» (43, с. 105). Н. Мурзакевич и А. Демидов, хотя упоминают о «земляном вале и рве» от Балаклавы до Севастополя, но, скорее всего, сами их не видели (44, с. 654; 45, с. 367). Последний по времени, кто писал о рве и стенах с башнями по линии границы Гераклейского полуострова, был очень увлеченный и дотошный З. Аркас, исследовавший этот район в 40-х гг. XIX вв. Он указывает: «Хотя есть кое-где бугорки по этому направлению, но нельзя сказать удовлетворительно, чтобы они составляли основания стен, которые служили к охранению жителей Ираклейского полуострова от нападения варваров» (46, с. 28). Отметать сведения столько же авторов, среди которых есть весьма достоверные, нельзя только на том основании, что сейчас остатков стены не видно. Во-первых, никто специально ее не искал, во-вторых, если бы даже от нее действительно ничего не осталось, то это не было бы удивительным: уже в конце XVIII — начале XIX вв. она находилась в очень плохом состоянии, интенсивная хозяйственная деятельность отнюдь не улучшала его, многочисленные оборонительные сооружения и гигантские битвы, развернувшиеся как раз на этих рубежах в 1941—1942 и 1944 гг. могли уничтожить и не такие древние и ветхие остатки построек. Но если такая стена была, то она, наиболее вероятно, могла быть сооружена сразу после присоединения Гераклейского полуострова. На нем были проделаны такие обширные по объему строительные работы (возведение усадеб, оград наделов и отдельных участков, плантажные стенки и пр.), что на этом фоне стена в 8—10 км длиной вовсе не предстает

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ляется чем-то слишком большим и невозможным. Вспомним, что и Маячный полуостров был укреплен двойным рядом стен. Соседний Боспор возводил целую систему валов через весь Керченский полуостров. Да и вообще «длинные стены», перегораживавшие горные проходы, ущелья, перешейки, были распространены с глубокой древности до позднего средневековья (47, с. 228, 229). Такая стена не только препятствовала вторжению противников на полуостров, но и затрудняла возможные побеги тавров, превращенных в рабов.

Гипотеза о том, что тавры в Херсонесе эксплуатировались в форме, напоминающей илито, хорошо объясняет многие явления и факты из истории города. Установлено, что к числу важнейших должностных лиц Херсонеса относились номофилаки — магистраты характерные исключительно для аристократических и олигархических государств. В различных греческих городах с аристократической формой правления они имели пробулевтические функции, право налагать наказания, записывать граждан в фило и триптии, назначать послов и пр. В Херсонесе должность номофилаков была, возможно, заимствована из Мегар и продолжала функционировать вплоть до I в. до н. э. (48, с. 105—108). Наличие некоторых черт аристократического устройства вполне сочетается с необходимостью постоянной военной готовности, когда большую роль играют представители наиболее состоятельных и знатных семейств, выступающих в качестве силы, укрепляющей, цементирующей вооруженные силы.

Повышенный интерес херсонеситов к военному делу не только нашел отражение в надгробных памятниках, но и во многих других известных, но не совсем понятных нам фактах. Здесь можно упомянуть о том, что каждая усадьба превращалась в маленькую крепость, государство активно вмешивалось в хозяйственную жизнь граждан (параграф 11 присяги — IPE, 1², № 401, так называемый акт о продаже земли — IPE, 1², № 403, декрет в честь Агасикла — IPE, 1², № 418), относительную скромность и даже бедность жизни херсонеситов. Все эти черты были в той или иной степени присущи Спарте и другим полисам с подобной социальной структурой.

Постулируемая выше система эксплуатации местного населения не была единственной в Херсонесе. Наряду с ней на Маячном полуострове функционировали малые наделы, на вновь приобретенных землях в западном Крыму могли внедряться другие формы*. И на Гераклеиском полуострове она продержалась недолго, видимо, около двухсот лет.

*В. Н. Зинько, исходя из своих критериев, предполагает, что большая часть сельского населения Херсонеса «находилась на положении мариандинов хоры Гераклеи Понтийской» (49, с. 50)

1. Щеглов А. Н. Херсонес как пример дорийского периферийного полиса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888—1989. Тезисы докладов. — Севастополь, 1988. — С. 132—133.
2. Фролов Э. Д. Тирания в Гераклея Понтийской // АМА. — Саратов, 1974. — Вып. II. — С. 114—139.
3. Арх. ГХИАЗ, д. № 103.
4. Арх. ГХИАЗ, д. № 71.
5. Даниленко В. Н. Надгробные стелы // СХМ. — 1969. IV. — С. 29—44.
6. Даниленко В. Н., Токарева Р. Н. Башня Зенона. — Симферополь: Таврия, 1974. — С. 78.
7. Колесников А. Л. Г. Воинские надгробия // СХМ. — 1969. IV. — С. 44—54.
8. Колесникова Л. Г. Стелы с изображением оружия // СХМ. — 1961. II. — С. 13—21.
9. Одесский вестник. 1828. — № 6 (Извлечение из статьи Г. Бларамберга).
10. Stackelberg O. M. Die Graeber der Hellenen. — Berlin, 1837. 44+49S. +LXXIX T.
11. Conze A. Die attischen Grabreliefs. Bd. I — V. — Berlin, 1893—1913.
12. Fairbanks A. Athenian Lekytoi. With outline drawing in glaze varnish on a white ground. — № —Y., 1907. 410 p.
13. Фармаковский Б. В. Аттическая вазовая живопись. — СПб., 1902. — С. 615, 254.
14. Худяков Ю. С. Формирование военного искусства кочевников в условиях ландшафта // Проблемы реконструкций в археологии. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 105—111.
15. История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова и др. Изд. 2-е. Кн. 1. — М.: Наука, 1983. — С. 384. Кн. 2. — М.: Наука, 1983. — С. 572.
16. Пиленкова Т. Ф. Раннегреческая тирания на Самосе // Проблемы социально-политической истории античности и средневековья. — Уфа: Башкирский ун-т, 1975. — Вып. 1. — С. 3—25.
17. Бозек Я. К истории Аттики XI—VIII вв. до н. э. // ВДИ. — 1962. — № 1. — С. 104—113.
18. Врессия Е. La necropoli di Sciatbi. Caire, 1912. T. I (texte) — II (tavole).
19. Цветаев И. Учебный атлас античного ваяния. 1 Греческое ваяние. — М., 1890.
20. Reinach S. Reportoire de Reliefs Grecs et Romains. T. deuxieme. Afrique-Iles Britanniques. — Paris, 1912.
21. Эмихен Г. Греческий и римский театр. — М., 1894.
22. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужебные и сценические древности. Изд. 2-е. — СПб., 1899.
23. Veal J. D. The masters of Eucharidstamnos in Copenhagen // BSA. 1911—12. Vol. XVIII.
24. Андреев Ю. В. К вопросу об организации

- критских сисситий // АМА. — Саратов, 1972. — Вып. 1. — С. 56—65.
25. Б л а в а т с к и й В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — С. 207.
 26. Б л а в а т с к и й В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. — 1954. XX. — С. 31—56.
 27. С т р ж е л е ц к и й С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб., — Симферополь: Крымиздат, 1961. — С. 168.
 28. К а л л и с т о в Д. П., Н е й х а р д т А. А., Ш и ф м а н И. Ш., Ш и ш о в а И. А. Рабство на периферии античного мира. — Л.: Наука, 1968. — С. 271.
 29. З а й к о в А. В. Перизки в структуре спартанского полиса // АДСВ. — Свердловск, 1988. — С. 19—29.
 30. С т р ж е л е ц к и й С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИСП. — С. 63—83.
 31. З о л о т а р е в М. И. Северо-Восточный район Херсонеса в античное время (по материалам раскопок 1976—1986 гг. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888—1988 гг. Тезисы докладов. — Севастополь, 1988. — С. 50—52.
 32. П е л ь м а н Р. Очерк греческой истории и источниковедения // Общая история европейской культуры. — СПб.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1908. — С. 1—274.
 33. Т ю м е н е в А. И. Херсонесские этюды I // ВДИ. — 1938. — № 2. С. 245—275.
 34. Д о м а н с к и й Я. В. К предыстории Херсонеса Таврического // АМА. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. — Вып. II. — С. 37—46.
 35. Л а п и н В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1966. — С. 238.
 36. Я й л е н к о В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. — М.: Наука, 1982. — С. 310.
 37. К р и с Х. И. Кизил-Кобинская культура и тавры // САИ. Д1—7. — М.: Наука, 1981. — С. 126.
 38. К о л о т у х и н В. А. Население предгорного и горного Крыма в VII—V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма. — Киев: Наук. думка, 1987. — С. 6—27.
 39. К а ц В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклеяском полуострове // АМА. — 1972. — № 1. — С. 28—37.
 40. С а м о х и н А. Г. С. Развитие представления о ΧΩΡΑ ΔΟΡΙΚΤΗΤΟΣ в эпоху эллинизма // Античный полис. Межвузовский сб. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979. — С. 92—101.
 41. С е с т р е н ц е в и ч - Б о г у ш С. История о Таврии. — СПб.: Тип. Шнора, 1806. Т. I. — С. 440.; Т. II. — С. 442.
 42. П а л л а с П. С. Путешествие по Крыму ... в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. — 1881. — Т. XII. — С. 62—208.
 43. М у р а в ь е в - А п о с т о л И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. — СПб., 1823.
 44. М у р з а к е в и ч Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. — 1837. — Ч. XIII, — № 3. — С. 625—691.
 45. Д е м и д о в А. Путешествие в южную Россию и Крым... — М.: Тип. А. Семена, 1853. — С. 543.
 46. А р к а с З. Описание Ираклейского полуострова и древностей его. История Херсонеса. — Николаев: Тип. М. В. Рюмина, 1879. — С. 29, IX табл.
 47. А н т о н о в а И. А., Д а н и л е н к о В. Н. Рец. на кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968 // СА, — 1972. — № 2. — С. 228—291.
 48. Н о в и к о в а Р. А. Симмнамоны и номофилаки Херсонеса Таврического // ВДИ. — 1961. — № 2. — С. 102—108.
 49. З и н ь к о В. Н. Население хоры Боспора и Херсонеса в IV—III вв. до н. э. // Проблемы истории Крыма. Тезисы докл. научной конф. — Симферополь, 1991. — Вып. I. — С. 49—50.

В. Н. ЗИНЬКО

НАСЕЛЕНИЕ ХОРЫ БОСПОРА И ХЕРСОНЕСА в IV — нач. III вв. до н. э.

В IV — нач. III вв. до н. э. на Боспоре Киммерийском и Херсонесе Таврическом идет процесс сложения крупных территориальных государственных образований, включающих в себя значительные сельские районы с пестрым этно-социальным составом населения (рис. 1, 2). Определяющим фактором при определении этнической принадлежности населения того или иного района хоры являются погребальные па-

мятники. Однако выявление корреляционной связи между определенными могильниками и сельскими поселениями дает новые возможности в установлении этно-социальной структуры населения, проживающего на обширных сельскохозяйственных территориях Боспора и Херсонеса. На хоре этих политических образований можно выделить несколько аграрно-территориальных зон, которые, помимо прочих моментов,